

Се Ин глубоко погрузился в кресло и с улыбкой согласился:

— Съезжу туда, погляжу, какие там есть свежие да любопытные книги, да и вам привезу.

Цяньши Чжу отрядил с ним всадников в красном. Из Дучаюань же выбрали молодого инспектирующего цензора Лю Цзаня, который вместе с Цзиньивэй покинул столицу и на быстрых конях устремился в Цяньань.

Когда они добрались до уезда Цяньань, наступило уже начало третьего месяца.

Начальник уезда Ци, услышав о прибытии цензора и Цзиньивэй с инспекцией, поспешил со своими людьми к городским воротам для встречи. Увидев Се Ина, который в свое время привозил императорский указ о поощрении Цуй Се, он обрадовался еще больше, поспешно поклонился и пригласил их остановиться в уездном ямене, а заодно поинтересовался, по какому делу они прибыли.

Инспектирующий цензор Лю Цзань еще в столице рассматривал рисунки с его изображением. На них начальник уезда Ци выглядел подтянутым и статным, а наяву... его борода и выправка и впрямь отдавали утонченным изяществом. Поглядев на него несколько раз, Лю Цзань сошел с экипажа, но придал себе вид человека, которому нет дела до какого-то чиновника седьмого ранга, и прохладно произнес:

— Мы прибыли по соизволению императора для расследования дела. По возвращении в ямень огласим указ. Прошу вас, господин Ци, вести путь, а также доставить к нам юношу из чиновничьего рода по имени Цуй Се.

— Расследование? Цуй Се так мал, да и рос у меня на глазах, в какое такое императорское дело он мог впутаться? — начальник уезда Ци подсознательно заступился за него. — Этот Цуй Се — добропорядочный подданный, отмеченный самой казнью, к тому же он пожертвовал уезду усадьбу под библиотеку. Когда меня аттестовал господин Ли, он тоже хвалил его. Смее ли спросить, в чем же его проступок?

Лю Цзань обдумал его слова, чувствуя, как ярко проявляется в них забота и привязанность, и на миг умолк. Се Ин спрыгнул с коня, подошел к начальнику уезда Ци и спросил:

— Цуй Се здесь? Прикажите привести его в ямень, господин Лю и я должны задать кое-какие вопросы вам, а также расспросить его.

Начальник уезда Ци почувствовал неладное еще сильнее. Выпрямившись в струнку, он попытался заступиться за юношу:

— Он отправился в управу сдавать экзамен. Прошу почтенных господ простить его, кэцзюй — важнейшее государственное дело. Что бы ни произошло, разве нельзя подождать, пока Цуй Се вернется с юаньши?

— Экзамен в управе?

Цуй Цюэ хоть и говорил в Дучаюань, что отправил сына на родину сдавать экзамены, но не упоминал, будто тот уже сдал уездный экзамен в этом году. Связан ли донос, в котором Ци Шэн обвинялся в обмане и присвоении усадьбы семьи Цуй, с тем, что Цуй Се смог отправиться на экзамен в управу?

Сам ли начальник уезда Ци потребовал усадьбу, или же Цуй Се отдал ее ради уездного

экзамена или с какой-то иной целью?

Лю Цзань не удержался от вопроса:

— И какое же место занял Цуй Се?

Начальник уезда Ци гордо ответил:

— На уездном экзамене, разумеется, первое! Этот ребенок — гений, одаренный небесами, обладает феноменальной памятью. Я ни разу не встречал подобного чудо-ребенка! В прошлый раз, после того как цяньху Се вручил ему награду, я лично проверил его знания. Тогда он толком и эссе писать не умел, а нынче его работы уже весьма зрелые и сложены по всем правилам!

Человек, который еще в прошлом году толком не умел писать сочинения, в этом году стал первенцем на уездном экзамене? И именно этот мальчик пожертвовал библиотеку уезду Цяньань? Лю Цзань обомлел, и лицо его потемнело еще сильнее.

Се Ин же по-прежнему улыбался. Однако эта улыбка всегда лежала на его лице с аптекарской точностью — ни капли больше, ни капли меньше — так что ни у кого не получилось бы разглядеть за ней его истинные мысли.

Вернувшись в уездный ямень, Лю Цзань развернул императорский указ и зачитал волю, которую изъявил император Хунчжи, повелевавшую начальнику уезда Ци временно отстраниться от дел и ждать решения судьбы, а также велевшую доставить Цуй Се в качестве свидетеля. Ци Шэн, а с ним уездный помощник, смотритель, писари и служители стали в один голос заявлять о своей невиновности. Они твердили, что библиотеку Цуй Се пожертвовал по собственной воле, да и сама идея открыть ее исходила от него, просто начальник уезда, видя его скудный достаток, не захотел обременять юношу расходами и взял всё на баланс уезда.

Се Ин остановил его и мягко произнес:

— Господин Лю, хоть мы и прибыли по повелению государя расследовать дело, но испытания для служения государству — дело первостепенной важности. Вы — человек ученый и вам лучше знать, как нелегко дается ученым кэцзюй. Зачем же сейчас отзывать его? Не лучше ли сначала допросить знающих людей в уезде и снять показания? А если непременно потребуется расспросить Цуй Се, отправляемся за ним в управу.

Лю Цзань смотрел на начальника уезда Ци, вспоминая его образ из книг — человека, чуждого мирской славе и выгоде. Превозмогая обиду от чувства, будто его обвели вокруг пальца, он произнес:

— Не будем спешить. Прошу вас, господин Ци, сначала достать экзаменационные работы Цуй Се с этого года, чтобы я лично их изучил.

Начальник уезда Ци тоже понял его намек. Лицо его точно так же омрачилось, и он глухо спросил:

— Господин цензор сомневается во мне и полагает, будто я осмелился устроить подлог на уездном экзамене? — его голос слегка дрожал, однако под синим халатом осанка оставалась безупречно прямой. Он твёрдо приказал: — Принесите экзаменационные работы первенца Цуй за все три тура! Пусть господин Лю дарует нам свою оценку!

Звание первенца Цуй Се действительно получил заслуженно, благодаря собственным знаниям.

Тринадцатого числа второго месяца проходил уездный экзамен. В начале месяца Цуй Се достал приготовленную им самим разлинованную бумагу для чистовиков и черновиков — по двенадцать листов каждой, — после чего отправился в ритуальный отдел уезда, чтобы вписать имена предков до третьего колена, сословие, уроженство, основной канон, имена поручителей... Заполнив все сведения, он передал бумаги писарю, который поставил на регистрационном листе штамп на стыке страниц, после чего отдел ритуалов принял его документы.

В соседнем доме семьи Чжао узнали, что он собирается сдавать уездный экзамен. Бабушка Чжао, опираясь на опыт своего внука, заранее велела собрать и прислать ему корзину с нужными вещами. В корзине лежал чехол для свитков, бамбуковая шкатулка с четырьмя драгоценностями кабинета, подставка для запястья, пресс-папье, медная трафаретная сетка для иероглифов и прочие мелочи, а также складная скамеечка, на которой можно было сидеть у входа в экзаменационный зал в ожидании запуска.

Кроме того, она велела принести несколько видов сладостей и выпечки, чтобы он попробовал и выбрал, что ему по вкусу, а в день экзамена она приготовила бы это ему с собой: пышный и нежный, словно бисквит, рисовый пирог на пару; белоснежные тонкие блинчики, похожие на лепешки с порией; слоеные пирожные с начинкой из фасолевой и финиковой пасты, а также мягкие солоноватые лепешки и оладьи с яйцом и мясом — всё вкусное и легко усваиваемое.

Цуй Се взял угощение, попробовал несколько кусочков и нашел их отменными, не скупясь на похвалы. Бабушка Чжао обрадовалась и с улыбкой пообещала, что в день экзамена приготовит все своими руками. Опасаясь за ее покой, юноша поспешил остановить старушку:

— В день экзамена мне придется вставать еще глубокой ночью, как я могу беспокоить вас и заставлять хлопотать в такой час? Наш новый повар весьма толковый. Если бабушка Чжао не против, пусть кто-нибудь обучит его, и он сам всё приготовит.

Бабушка Чжао лишь всплеснула руками:

— Да какие тут хлопоты! Совсем еще юн, а все излишне вежлив... Ну да ладно, остальное — дело нехитрое, а я потом передам тебе наши медные щипцы с круглыми концами и научу твоего кухаря делать тонкие мягкие блинчики.

«Чтобы приготовить блинчики, нужны еще и особые щипцы?» — подумал Цуй Се. Будучи юношей, он не особо увлекался сладостями, поэтому убедил бабушку Чжао не присылать кухонную утварь, а просто попросил научить повара печь мягкие паровые пироги.

За несколько дней до экзамена Цуй Се с головой ушел в занятия, написав несколько сочинений на все возможные темы по отрывку из «Мэн-цзы» об уходе из царства Ци. Цуй Юань с сыном, а также нанятый повар и работники помогали ему собирать вещи к испытаниям. Дни летели стремительно, и вот настал день первого тура.

В день экзамена запуск начинался в стражу три — глубокой ночью. Повар Ню поднялся среди ночи, напарил пирогов и пышек, нарезал кусочками вяленую колбасу и сушеное мясо и аккуратно уложил всё в съестной коробок. Цуй Юань с сыном не смыкали глаз всю ночь. Услышав удары колотушки, они тут же поднялись, поторопили Цуй Се умыться и надели на него шесть слоев тонких распашонок без подкладки, тонкие туфли, а сверху укутали в шубу из крытого меха.

На экзамен Цуй Се отправился в сопровождении господина Линя. Будучи линьшэном, тот выступал поручителем для кандидатов, а заодно подобрал для своего ученика в группу взаимного поручительства нескольких юных школяров, обучавшихся у его знакомых книжников. Когда ученики сдавали экзамен, ему требовалось стоять у Врат Дракона и ждать, пока надзирающие чиновники выкликнут имена, чтобы подтвердить их личности.

Ночной ледяной ветер завывал без умолку, и испытатели дрожали на холоде. К счастью, со всех сторон их окружала плотная живая стена из людей, хоть немного защищавшая от порывов, но уши и нос всё равно отчаянно болели от мороза.

Постояв немного в очереди, он привлек внимание одного из патрульных стражников, который узнал его и, потянув за рукав, промолвил:

— Молодой господин Цуй, не стоит вам мерзнуть на улице, идемте со мной внутрь, там потеплеет!

Всё-таки иметь покровителей сверху — совсем иное дело.

Ему и нескольким юным ученикам, связанным с ним поручительством, оказали честь пройти досмотр и зайти первыми. Стражники на досмотре обходились с ним очень мягко: велели лишь самому снять верхнюю одежду, обувь, распустить волосы и слегка пошарили в корзине, после чего пропустили, не устраивая дотошного обыска, при котором у других разве что в нутро не заглядывали. Господин Линь стоял рядом, подтверждая их личности, а писарь отыскал бланк и вручил ему, отправив внутрь искать свое место по напечатанному номеру.

Экзаменационный навес у Храма литературы был сооружен временно, однако в высоту достигал двух-трех чжанов. Просторный и светлый, он был наглухо укрыт со всех сторон. Экзамен еще не начался, окна оставались закрытыми, поэтому после студеной улицы внутри казалось тепло, словно весной. Внутри тянулись ряды столов и скамей, скрепленных между собой бамбуковыми жердями: сев за такой стол, уже невозможно было пошевелиться, дабы предотвратить списывание.

<http://bllate.org/book/18372/1761320>